

Х

од истории вновь подвел идеологическую мысль к тому, что Россия с ее онтологической уникальностью (умом не понять, аршином не измерить) может стать (или уже является) альтернативным центром мира. Философ Александр Леонидович Казин — один из крупнейших современных авторов, раскрывающих в своем творчестве русскую тему. Его книга «Первый и последний. Учебник русского» (СПб, «Родные просторы», 2015) написана легко и стилистически разнообразно, она затрагивает огромный объем материала и представляет собой, наверное, наиболее полный на сегодня вариант изложения авторского учения. Это тот редкий в наши дни случай, когда можно говорить именно об учении — оригинальной идеологической системе со своей терминологией, принципами и постулатами. Это становится очевидным в контексте того, что не только проблемы, но даже отдельные пассажи переходят у Казина из произведения в произведение в почти неизменном виде. Можно сказать даже, что в определенном смысле все книги Казина об одном и том же. Точнее, это одна и та же большая книга, которая пишется по мере разработки определенного комплекса идей. Однако в философии самоповторение такого рода — удел почти каждого мастера.

Наличие определенного смыслового направления (тем более такого) определяет то, что у Казина не может быть равнодушных читателей (по крайней мере, в России). Многое в высказываемых позициях кажется спорным, однако это неизбежное следствие того, что позиции — есть; автор не боится больших тем и серьезных обобщений. Такие книги обретают сторонников и наживают врагов, то есть живут полнокровной жизнью. Впрочем, чтобы нажить недругов, «Учебнику русского» достаточно одного только заглавия. В одной из статей о перестановках в администрации Российского института истории искусств, директором которого в октябре 2015 стал Александр Леонидович, выражены опасения относительно будущего отечественной науки. В духе того, не пострадает ли при таком директоре изучение любого искусства, кроме православно-патриотического? Такого рода сомнения говорят о том, что автор статьи книг Казина не читал (или читал, но позволил себе «смелый» полемический ход). Чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть «Первый и последний» и почитать, что же автор говорит, скажем, о Ницше, о Хайдеггере, о русских модернистах.

Чему же учит «Учебник русского»? Православной основой учение, конечно, не исчерпывается. Важно, что комплекс идей Казина, оставаясь неизменным в своей основе, тем не менее, развивается, углубляется и усложняется. Стремительные перемены во всех сферах жизни находят свое отражение в его работах, включаясь в их внутреннюю полемику, сталкиваются и взаимодействуют в русле интеллектуального течения, которое в одной из предыдущих книг автор шутливо назвал казинизмом.

Говоря об основном комплексе идей Казина, начать следует с оригинальной эстетической концепции трех парадигм культуры: классика, модерн и постмодерн. В качестве разделительного критерия выступает, главным образом, вера человека — в Бога, в себя, в ничто («неверующих людей не существует»). Классикой автор называет религиозное мировосприятие, модерном — антропоцентрическое, постмодерном — бесценностное. Это философское разделение мысли, искусства, политики и всей человеческой культуры не укладывается полностью в историческую периодизацию. Более того, применительно к искусству дифференциация Казина не зависит напрямую от формальных признаков того или иного артефакта. Определения автора не совпадают с общепринятыми. Например, в терминологии Казина началом эпохи модерн является не вторая половина XIX века, а начало эпохи Возрождения. Античный роман «Сатирикон» Петрония Арбитра по предлагаемой классификации следовало бы отнести, вероятно, к искусству постмодерна, а поэму Венедикта Ерофеева «Москва–Петушки», традиционно рассматриваемую как постмодернистскую, — к классике. Система Казина рушит традиционные стереотипы, она антиформалистична и потому прогрессивна, однако по этой же причине степень обобщения в ней очень велика. Философ рассматривает искусство и культуру по самому большому счету, начав с их сути, приняв за основу априорные предпосылки и глобальные цели.

Автор «Первого и последнего» тяготеет к классике, осуждает модерн и, тем более, постмодерн. В русской культуре он видит альтернативу западной (антропоцентрической) культуре, которую в настоящем ее состоянии характеризуют «космополитизм, атеизм, либерализм». Капиталократия, представление о свободе как высшей цели и подмена ценностей знаками, по Казину, ведут к духовной (а в перспективе и к физической) гибели цивилизации. Соответственно русская культура мыслится автором как противостоящая надвигающемуся концу, как возможное спасение. Необходимо отметить, что это не слепой панрусизм, описывая ментальное противостояние России и Запада автор не придерживается позиций «шапкозакидательства» и не боится писать о слабых сторонах России и русских. При этом точность и самобытность исследовательского взгляда определяется тем, что фи-

лософ говорит о России на ее языке, не пытаясь определять ее через призму западных ценностей, что искажало бы картину. В этом он опирается на патриотическую традицию — Киреевского, Гоголя, Достоевского, Леонтьева, Бердяева и других.

Композиция книги относительно подчинена хронологии — от начала мира и до его известного нам конца — наших дней. Русская и европейская история встроены в общемировой контекст — оценки не миновали ни древние греки, ни индусы. «Первый и последний» — это, по определению автора книги, «литературное, религиозно-философское и искусствоведческое повествование» — имеет следующие крупные разделы: «Бытие», «Предыстория человека», «История человека», «Современный человек», «После человека», а в последнем разделе «Первый и последний» — всего одна глава «Зачем все было?» Чтобы прояснить ситуацию, перечислю несколько глав раздела «Современный человек»: «Бремя модерна», «Первая война», «Белый венчик», «Крест и звезда», «Красный император», «Земля» (о фильме Довженко), «Вторая война», «Русь против нордического рейха» и т.д. Одно только чтение оглавления уже интригует и кое-что сообщает вдумчивому читателю.

В периодизации истории России «Учебник русского» также отличается концептуальной новизной. Если под серебряным веком, как правило, понимают рубеж XIX–XX веков, то Казин говорит обо всем петербургском периоде как о серебряном — в противопоставление золотому. Дифференциальный критерий, в данном случае, почти тот же, что и в случае с парадигмами культуры. Действительно, предпринятая Петром I «революция сверху» противопоставила наступившую эпоху предыдущим (киевской и московской) очень резко. В философском (да и в сугубо поэтологическом) аспекте преемственность между «золотом» Пушкина и «серебром» Ахматовой гораздо более последовательна. Соблазны антропоцентризма русским классикам «золотого» века были вполне знакомы, так как уже были, в основном, заимствованы у западных соседей. Однако сближение с Европой, обусловленное петровскими реформами, не затронуло, согласно Казину, русского культурного ядра. Именно в этом смысле автор цитирует знаменитую фразу Белинского о том, что *Россия* на вызов Петра *ответила* 100 лет спустя громадным *явлением Пушкина*, в творчестве которого оригинально проявились не столько антиимперские, сколько сугубо национальные черты. Наряду с «серебряной» западной модернизацией, автор выделяет и другие не вполне удавшиеся революции — 1917 и 1991 годов. Исходя из этого логично предположить, что Россия имеет все шансы и дальше оставаться самой собой — меняясь поверхностно, сохраняя целостность ментального ядра. Согласно «Учебнику», во многом этим и определяется ее историческая миссия в последовательно меняющемся (падающем) мире.

Классика по Казину предполагает веру в истину, существующую вне человеческого сознания. В этом отношении зачастую совпадают церковное и светское искусство, однако при таком подходе становится незаметной колоссальная разница между ними. Основная функция искусства — эстетическая, основная функция церковного искусства — культовая; можно ли поставить знак равенства между литургией и «Андреем Рублевым» Тарковского? Между иконой и «Христом в пустыне» Крамского? Можно ли назвать исследование верующего ученого — духовным актом (сопоставить с молитвой)? Быть может, в отношении веры следовало бы поставить культовое искусство над классическим, как под модерном (верой в самоценного человека) стоит постмодерн (вера в «черную дыру» — в ничто и симулякры)? В сущностном разделении парадигм культуры Казин себе не противоречит, но предлагаемая система требует многочисленных оговорок и уточнений. Однако так происходит всегда, когда речь заходит об искусстве и других живых процессах.

Основной (и, вероятно, непреодолимый) недостаток представленного в книге подхода состоит в том, что при нем эстетическая ценность того или иного произведения непременно должна отходить на второй план. Казин пишет о темных гениях, однако, хоть и упоминает святош, ни слова не говорит о верующих и высоко нравственных посредственностях. Однако таковые существуют. Бездарность и классика в том высоком смысле, который автор вкладывает в это слово, кажется, несовместимы (как можно делать глупости — в Божьем луче?). Получается, что творческая несостоятельность человека искупается верой, или, если человек бездарен, то вера его не подлинная или недостаточная? Или же реципиент должен достраивать в уме несуществующие достоинства художественного произведения, если художник придерживается одной с ним веры, одних взглядов? Не слишком ли автор сблизил религию, философию и искусство? «Первый и последний» — книга о человеке; внутренний мир человека относительно целостен. Но, как говорил Митя Карамазов, *«широк человек, слишком даже широк, я бы сузил (...)* Что *уму представляется* позором, то *сердцу сплошь красотой*». Искусство и наука все-таки дела земные, и их достоинства не должны измеряться только критерием веры. Однако согласно «Учебнику русского» Казина православному человеку нет смысла доказывать, что церковь выше культуры. Вероятно, автор прав, но смирится с этим не всякому читателю под силу.

В эпизодах, посвященных Декарту, Канту, Гегелю, Казин убедительно говорит о порочности сугубо головных построений — мир и сложнее, и проще, чем его представляют философы. Однако не применима ли остроумная и тонкая критика философа к нему самому, когда он подходит к искусству с духовной ценностной вертикалью? Верующий человек вправе спросить: а с чем же еще к нему подходить? Но не является ли талант художника (отражение Творца) и созданная красота духовным явлением более значимым, чем отношение художника к церкви?..

Справедливости ради надо отметить, что в «Учебнике» хватает необходимых противоречий, делающих систему живой — автор отлично понимает, что зачастую нужно «решиться на подвиг противоречия» (Г.Д. Гачев), иначе мы не жизнь постигаем, а сколачиваем очередное прокрустово ложе. История мира и русский национальный опыт в особенности антиномичны в самой своей основе — умом не понять, аршином не измерить.

